

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

А. В. Петров

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург

А. В. Кудрявцева^{1,2}

¹Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург

²Санкт-Петербургский городской суд, г. Санкт-Петербург

Наиболее часто в судебной практике возникают следующие вопросы, связанные с использованием доказательств: всегда ли при нарушении требования ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ необходимо исключать протокол явки с повинной как доказательство; является ли протокол очной ставки разновидностью такого вида доказательств, как показания, или представляет собой протокол следственных действий; как поступать в случаях заявления стороной защиты ходатайств о представлении заключения специалиста в судах первой и апелляционной инстанций, как их приобщать (не приобщать) к материалам дела, допрашивать или не допрашивать специалиста; может ли при решении вопроса об избрании или продлении меры пресечения использоваться оперативно-розыскная информация. На основе исследования судебной практики делаются выводы о том, что исключать протокол явки с повинной, полученный в отсутствие гарантий, предусмотренных ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, следует только тогда, когда сведения, полученные при явке с повинной, оспариваются стороной защиты. Получение согласия на оглашение протокола очной ставки зависит от судебно-следственной ситуации, и если получено согласие на оглашение показаний этих лиц, полученных в ходе допроса, то протокол очной ставки подлежит оглашению. Представленное стороной защиты заключение специалиста должно быть принято и оценено судом, в том числе посредством допроса специалиста, давшего заключение. При избрании меры пресечения важное значение имеет информация, полученная оперативно-розыскным путем, поскольку в условиях отсутствия времени доказательства еще не сформированы.

Ключевые слова: *доказательства, протокол явки с повинной, протокол очной ставки, заключение специалиста, оперативно-розыскная информация.*

Разновидностью объяснений, полученных в стадии возбуждения уголовного дела, является явка с повинной, о которой высказался Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»: «В тех случаях, когда в ходе проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ, подсудимый обращался с письменным или устным заявлением о явке с повинной, и сторона обвинения ссылается на указанные в этом заявлении сведения как на одно из доказательств его виновности, суду надлежит проверять, в частности, разъяснялись ли подсудимому при принятии от него такого заявления с учетом требований части 1.1 статьи 144 УПК РФ права не свидетельствовать против

самого себя, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования в порядке, установленном главой 16 УПК РФ; была ли обеспечена возможность осуществления этих прав».

Полагаем, что объяснения и протокол явки с повинной не могут быть отнесены к таким видам доказательств, как иные документы и вещественные доказательства, по следующим причинам. Объяснения по своей гносеологической природе, как и явка с повинной, являются разновидностью отражения вербальной информации, природа формирования у них другая, чем у иных документов и тем более вещественных доказательств. Возможность использования явки с повинной и

объяснений зависит не только от соблюдения требований, изложенных в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, но и от поведения самого лица, у которого они отбирались, если лицо, давшее объяснение и сделавшее явку с повинной подтверждает эту информацию в ходе допроса, то даже при несоблюдении требований ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ эти сведения можно использовать в качестве доказательств. Вопрос об их оспаривании просто не возникает. Если же сведения, сообщенные в ходе объяснений или явки с повинной, противоречат показаниям, данным в ходе допроса, то в этом случае имеет значение соблюдение требования ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ для оценки допустимости объяснений. Вместе с тем объяснения нельзя признать допустимыми доказательствами с точки зрения ч. 2 ст. 74 УПК РФ, поскольку ни к одному из видов доказательств их отнести нельзя. Однако при проведении сокращенного дознания объяснения являются доказательствами, пока не будут оспорены сторонами в процессе рассмотрения уголовного дела в суде. Такое двойственное положение объяснений не вполне вписывается в теорию доказательств.

Другими словами, протокол явки с повинной вполне может быть в системе доказательств до тех пор, пока не будет оспорен стороной защиты, которая может указать, например, на то, что в отсутствие разъяснений прав и защитника явка с повинной была получена под воздействием незаконных методов и способов получения сведений.

Рекомендации для судов первой инстанции: не использовать протокол явки с повинной в качестве доказательств; рекомендации для судов второй инстанции: если суд первой инстанции сослался на явку с повинной, однако она сторонами не оспаривалась, то можно ее и не исключать.

В данной ситуации ярко проявляется теоретическая дискуссия о самостоятельной ценности допустимости доказательств, которая сводится к вопросу, необходимо ли признавать недопустимыми доказательства, полученные с нарушением закона, когда сами по себе нарушения не ставят под сомнение достоверность доказательств. Следует отметить, что в судебной практике в большинстве случаев решается вопрос о недопустимости доказательств только в тех случаях, когда такой вопрос ставится перед судом сторонами. И почти невозможно привести случаи, когда суд

по собственной инициативе признает доказательства порочными. Более того, исследуя вопрос о допустимости или недопустимости доказательства суд пытается выяснить вопрос о достоверности полученной в ходе этого следственного действий информации. Пример: представители общественности, участвующие при проведении оперативно-розыскных мероприятий, в суде заявили, что следователь их не допрашивал, они давали только объяснения, однако в ходе их допроса в суде подтвердили, что в протоколе допроса написано все верно и это соответствует фактически произошедшим событиям.

В п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)», разъяснено, что исследование ранее данных при производстве предварительного расследования показаний подсудимого, потерпевшего, в том числе данных ими в ходе очной ставки, путем оглашения этих показаний в судебном заседании возможно лишь при наличии обстоятельств, указанных в ст. 276, 281 УПК РФ, перечень которых является исчерпывающим.

В соответствии со ст. 281 УПК РФ показания свидетеля или потерпевшего, данные ими в ходе предварительного расследования, могут быть оглашены в судебном заседании лишь при наличии указанных в УПК РФ оснований. При неявке в судебное заседание потерпевшего или свидетеля оглашение их показаний, ранее данных ими при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, в соответствии с ч. 1 ст. 281 УПК РФ допускается только с согласия сторон.

Протокол очной ставки – это доказательство, как правило, в котором содержатся только сведения, которые касаются противоречий в ранее данных этими лицами показаниях. Сущность очной ставки сводится к тому, что каждый из них подтверждает свои показания и опровергает другие. Другими словами, сам по себе протокол очной ставки и показания в нем изложенные имеют значение при наличии показаний, полученных в ходе ранее проведенных допросов. Протокол очной ставки – вторичное доказательство, но не в смысле своего доказательственного значения, а в смысле его производности: его исследова-

ние и оценка могут осуществляться только при наличии показаний, противоречия в которых устраняются.

Вместе с тем вопрос об оглашении очных ставок в порядке ст. 281 УПК РФ во многом зависит от особенностей самого дела и от той судебно-следственной ситуации, которая складывается в процессе его рассмотрения. Содержание очной ставки – это показания, и именно об оглашении показаний говорит ст. 281 УПК РФ, но мы понимаем, что оглашаются не показания, а протоколы допросов, производное доказательство, автором которого является, безусловно, следователь.

Распространяются ли положения ст. 281 УПК РФ на протоколы очных ставок, или они оглашаются как протоколы следственных действий. Правильное решение этого вопроса во многом зависит от того, какие сведения содержатся в протоколе очной ставки, насколько решающими для уголовного дела являются данные сведения. Вопрос не простой и зависит как от судебно-следственной ситуации, так и от содержания очных ставок, субъектного состава.

Рассмотрим некоторые ситуации, требующие исследования протокола очных ставок.

Ситуация первая: стороны возражали против оглашения показаний неявившегося свидетеля, показания огласили, применив п. 5 ч. 2 ст. 281 УПК РФ. В этом случае возникает вопрос, надо ли обсуждать вопрос о согласии сторон на оглашение протокола очной ставки. Полагаем, что поскольку показания огласили на основании закона, то протокол очной ставки с показаниями этого же свидетеля может быть оглашен без согласия сторон.

Ситуация вторая: сторона защиты возражала против оглашения показаний свидетеля и заявила ходатайство о вызове его в суд, имеется протокол очной ставки данного свидетеля с обвиняемым, то есть в соответствии с ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ сам по себе протокол очной ставки свидетельствует о том, что у стороны защиты была возможность допросить данного свидетеля, то в этой ситуации и показания и протокол могут быть оглашены.

Ситуация третья: сторона защиты настаивала на вызове свидетеля в суд, его вызвали и допросили, показания, данные им на стадии предварительного расследования, огласили с целью устранения противоречий. Протокол очной ставки тоже может быть оглашен без

согласия сторон, так как он позволит уточнить показания свидетеля.

Таким образом, оглашение показаний, содержащихся в протоколе очной ставки, подчиняется правилам оглашения показаний, полученных в ходе допроса, и не всегда требует для оглашения получения согласия стороны.

Проанализированные решения, в которых исключался протокол очной ставки, не дают представления о том, оглашались ли показания этих лиц, или они были допрошены.

Например, в Постановлении Президиума Верховного суда Республики Карелия от 13 июня 2018 г. № 44у-19/2018 указано: «Кроме того, судом первой инстанции в качестве доказательств использован протокол очной ставки между свидетелем Р.С.А. и свидетелем Л.Д.Н., который был оглашен в судебном заседании среди письменных материалов уголовного дела, то есть в порядке ст. 285 УПК РФ, что противоречит правовой позиции Верховного Суда РФ, изложенной в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)», в соответствии с которой исследование ранее данных при производстве предварительного расследования или в суде показаний подсудимого, потерпевшего, свидетелей, в том числе данных ими в ходе очной ставки, путем оглашения этих показаний в судебном заседании возможно лишь при наличии обстоятельств, указанных соответственно в ст. 276 и 281 УПК РФ, перечень которых является исчерпывающим.

В свете п. 8 указанного Постановления возникает вопрос и об оглашении показаний протоколов проверки показаний на месте и протоколов опознания, поскольку очевидно, что в процессе данных следственных действий мы получаем вербальную информацию.

Согласие сторон на оглашение протокола очной ставки необходимо получить только тогда, когда стороны не дали согласие на оглашение показаний свидетеля или потерпевшего, а оснований, предусмотренных ст. 281 УПК РФ, для оглашения не имеется.

Одной из проблем, с которой сталкиваются судьи при рассмотрении и разрешении уголовных дел, – это оценка заключения специалиста, представленного стороной защиты непосредственно в судебное заседание, а иногда

впервые только в суд апелляционной инстанции.

На практике встречаются такие формулировки отказа в удовлетворении ходатайства сторона защиты в приобщении к материалам уголовного дела: заключение специалиста не может быть приобщено к материалам дела, поскольку оно получено вне процесса, и субъектом, который не обладает правом собирать доказательства (речь идет о защитнике).

Наиболее распространенными являются формулировки отказа в приобщении заключения специалиста, в которых судьи указывают на то, что оценка заключения эксперта – это исключительное полномочие суда, и такое заключение не имеет никакого доказательственного значения, вследствие чего не может быть приобщено к материалам дела.

Уязвимость данных формулировок совершенно очевидна. В первом случае ссылка на получение заключения специалиста вне норм уголовно-процессуального закона несостоятельна, поскольку уголовно-процессуальный закон и не предусматривает процессуального порядка получения заключения специалиста, а адвокат-защитник вправе получать информацию и представлять ее суду. В качестве единственного критерия такого права является относимость данной информации к обстоятельствам рассматриваемого дела.

Специфика специалиста как уголовно-процессуальной фигуры, дающего заключения по запросу стороны защиты или потерпевшего (невластных субъектов), как раз и заключается в том, что вначале у него проявляется уголовно-процессуальная дееспособность, то есть он реализует свои полномочия, а потом в процессе представления заключения в суд именно суд должен легализовать его правоспособность, разъяснив ему права и обязанности, ответственность за дачу заведомо ложного заключения и еще допросить его по поводу данного им заключения.

В заключении специалиста, в котором содержится рецензия на заключение эксперта, представленное стороной обвинения, речь не идет об оценке доказательств, обязанность которой лежит на суде и которая должна найти свое отражение в судебном акте. Цель представления данного заключения – оспорить заключение эксперта, привести аргументы, ставящие под сомнение его обоснованность, достоверность, что также является пра-

вом стороны защиты в состязательном процессе.

Позиции Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), высказанные по вопросам представления и оценки заключений специалистов и экспертов, являются результатом рассмотрения жалоб с точки зрения нарушения ст. 6 Европейской конвенции по правам человека и во многом содержат ответ на вопрос, как необходимо действовать судье, какими критериями руководствоваться при заявлении ходатайств стороны защиты о приобщении к материалам дела заключений специалистов и о допросе экспертов.

Некоторые из них настолько подробны, что дают представление об алгоритме действий судьи в ходе судебного разбирательства в случаях, когда сторона защиты, невластные участники процесса пытаются оспорить заключение эксперта, представленное в суд стороной обвинения.

Так, представляет интерес, в том числе и теоретический трактовка ЕСПЧ различий между процессуальными фигурами эксперта и специалиста: «Статьи 57 и 58 УПК РФ проводят различия между двумя видами свидетелей-экспертов: «эксперты» (*propriosensu*) и «специалисты». Их роль в процессе иногда одинакова, хотя и не абсолютно идентична. В то время как «эксперт» часто занят проведением сложных судебно-медицинских экспертиз до суда (например, дактилоскопической экспертизы, вскрытия), «специалиста» приглашают, чтобы помочь обвинению или суду при работе с техническим оборудованием, в исследовании вещественных доказательств, помочь понять выводы «экспертного заключения», оценить примененные «экспертами» методы и их квалификацию и т.д. Оба вида свидетелей могут представлять суду свои заключения и/или давать показания лично. Согласно ст. 57 УПК РФ (с дальнейшими ссылками) право назначать проведение экспертизы принадлежит следователю или суду. Суд может назначить проведение экспертизы по своей инициативе или по ходатайству сторон» (Постановление ЕСПЧ от 14 января 2020 г. по делу «Ходорковский и Лебедев против России»).

Другими словами, ЕСПЧ рассматривает эксперта и специалиста как свидетелей особого рода, различие в компетенции которых определяются сложностью исследований, кото-

рые они проводят, и вместе с тем и тот и другой вправе давать заключение. Следует отметить, что российские ученые в области криминалистики и судебной экспертизы разделяют эксперта и специалиста по их компетенции: по уровню решения экспертных задач. Также высказывается позиция о том, что в уголовном процессе имеют место две различные процессуальные фигуры специалиста: специалист, который дает заключение, и специалист, который оказывает содействие следователю и суду в обнаружении, изъятии доказательств. Не вдаваясь в рассуждения, следует отметить, что действительно ст. 58 УПК РФ во многом рассчитана на специалиста, оказывающего помощь следователю и суду в получении доказательств, но не отражает процессуального положения специалиста, дающего заключение.

Если говорить о правоприменительной практике в России, то ярким примером попытки провести разграничение между компетенциями эксперта и специалиста являлся п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам», в котором говорилось, что специалист не проводит исследование вещественных доказательств, однако данный пункт был исключен 29 июня 2021 года. Данный пункт вызывал достаточно много критики, которая заключалась в том, что запретить обращаться к специалисту стороне защиты или потерпевшему, которые оспаривают заключение эксперта, достаточно затруднительно или невозможно. Однако мотивы исключения данного пункта не совсем ясны правоприменителю, поскольку иногда ВС РФ объясняет исключение тех или иных положений из постановлений Пленума устоявшейся судебной практикой. Полагаем, что вопрос с представлением и оценкой заключения специалиста нельзя считать устоявшимся.

Для понимания алгоритма действий судьи при представлении заключения специалиста стороной защиты или потерпевшим в суд важны следующие позиции ЕСПЧ, изложенные в Постановлении ЕСПЧ по делу «Матыцина против России» от 17 марта 2014 года: «Оспаривание заключения эксперта в отсутствие помощи другого эксперта в соответствующей сфере может быть затруднительным. Таким образом, одного лишь права стороны защиты просить суд о назначении другой экспертизы не является достаточным. Чтобы реа-

лизовать это право эффективно, сторона защиты должна иметь ту же возможность представления собственных «экспертных доказательств».

Средствами, которыми сторона защиты может оспорить заключение эксперта, являются ходатайство защиты о допросе эксперта, давшего заключение, ходатайство о назначении дополнительной или повторной экспертизы, представление заключения специалиста для оспаривания заключения эксперта, ходатайство о допросе специалиста. Кроме того, на стадии предварительного расследования сторона защиты и потерпевший должны быть ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы, и им должна быть предоставлена возможность ходатайствовать о назначении конкретного эксперта и поставить дополнительные вопросы.

Но при этом ЕСПЧ полагает, что наиболее эффективным средством защиты является представление заключения специалиста и ходатайство о допросе данного специалиста.

Таким образом, представление заключения специалиста стороной защиты ставит перед судом задачу его оценки, а для этого, как правило, сторона защиты заявляет ходатайство о вызове и допросе этого специалиста. Вызов и допрос специалиста необходим еще и для того, чтобы убедиться в достоверности и допустимости заключения специалиста и разъяснить специалисту его права и обязанности, а также предупредить его об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и заключения. В процессе рассмотрения уголовного дела иногда возникает ситуация, когда сторона защиты просит приобщить к материалам заключения специалиста, но не заявляет ходатайство о вызове и допросе такого специалиста. Может ли суд по собственной инициативе это сделать? На наш взгляд, препятствий для этого нет, поскольку суд для проверки доводов сторон вправе получать доказательства.

Именно в таком смысле необходимо толковать ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ: стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном настоящим Кодексом, специалиста для разъяснения, вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, за исключением случаев, предусмотренных ст. 71 УПК РФ. Таким образом, законодатель пыта-

ется восполнить отсутствие процессуального порядка введения в уголовный процесс фигуры специалиста и информации, которая от него исходит.

Еще один вывод следует из позиции ЕСПЧ по делу «Матыцина против России»: Европейский Суд, анализируя конкретную ситуацию по делу и действия судей, отмечает, что экспертное заключение врача было получено на стадии предварительного следствия по инициативе следователя. Заключение врача А. было явно благоприятным для стороны защиты. Тем не менее ни в одном из приговоров по настоящему делу нет ссылок на это экспертное заключение. Представляется, что либо заключение врача А. не было представлено суду, либо оно было представлено, но суды его проигнорировали. Европейский Суд полагает, что в любом случае власти нарушили фундаментальные принципы справедливого судебного разбирательства. Прецедентная практика Европейского Суда указывает, что сторона обвинения должна раскрывать стороне защиты «все существенные доказательства, которые она имеет за или против обвиняемого» (см., например Постановление ЕСПЧ по делу «Эдвардс против Соединенного Королевства» (*Edwards v. United Kingdom*) от 16 декабря 1992 г). Правило раскрытия оправдывающих доказательств обязывает сторону обвинения представлять такие доказательства на рассмотрение суда. В то же время данное правило не имеет смысла, если судам разрешено оставлять эти доказательства без рассмотрения и даже не упоминать их в своих приговорах.

Из данной позиции ЕСПЧ следует вывод о том, что для обеспечения справедливого судебного разбирательства сторона обвинения обязана представить все доказательства, полученные ею, как обвинительные, так и оправдательные, а суд – указать их в приговоре и оценить каждое из доказательств, представленных как стороной обвинения, так и стороной защиты.

Таким образом, представление заключения специалиста обязывает суд оценить его в своем решении, а для этого вызвать и допросить специалиста.

В п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета

определенных действий» указывается: «В решениях об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения и о продлении срока содержания под стражей должно быть указано, почему в отношении лица не может быть применена более мягкая мера пресечения, приведены результаты исследования в судебном заседании конкретных обстоятельств, обосновывающих избрание данной меры пресечения или продление срока ее действия, доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств, а также оценка судом этих обстоятельств и доказательств с изложением мотивов принятого решения».

В то же время п. 21 данного постановления устанавливает, что при продлении срока содержания под стражей на любой стадии производства по уголовному делу судам необходимо проверять наличие предусмотренных ст. 97 УПК РФ оснований, которые должны подтверждаться достоверными сведениями и доказательствами.

В свете этого хотелось бы вернуться к давней дискуссии о возможности использовать при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения судом не только доказательства, но и информацию, полученную оперативно-розыскным путем. Данный вопрос является не праздным именно в отношении вопроса избрания меры пресечения на первоначальном этапе расследования, когда после задержания лица и возбуждения уголовного дела прошло немного времени, и у следствия не было возможности проверить оперативно-розыскную информацию уголовно-процессуальными средствами и способами и превратить ее в доказательства. Наиболее наглядно это видно при обосновании достаточности оснований для подозрения, что должно быть проверено судом, когда речь идет о таких преступлениях, как например, незаконный оборот наркотиков или взяточничество, когда в основу формирования доказательств кладется оперативно-розыскная информация. К моменту обращения следователя с ходатайством в суд мы чаще всего имеем только представленные следователю материалы оперативно-розыскной деятельности, и следователь зачастую их в доказательства не превратил. Именно на этих материалах и проверяется обоснованность подозрения.

Можно ли считать эти материалы доказательствами в смысле ст. 74 УПК РФ? Наверное, нет. Поэтому в постановлении Пленума

Верховного Суда следует указать, что при избрании меры пресечения обстоятельства, которые обосновывают основания, условия и цели избрания меры пресечения, должны

быть подтверждены доказательствами и иными сведениями. А вот при продлении срока содержания под стражей должны быть представлены доказательства, вполне отвечающие требованиям ст. 74 УПК РФ.

Петров Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург. E-mail: petrov_av2012@mail.ru.

Кудрявцева Анна Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, судья, Санкт-Петербургский городской суд, г. Санкт-Петербург. E-mail: acifna@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 30 мая 2022 г.

DOI: 10.14529/law220305

PROBLEMATIC ISSUES OF THE USE OF INDIVIDUAL EVIDENCE IN CRIMINAL CASES IN THE COURT OF FIRST INSTANCE

A. V. Petrov

North-Western Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation,

A. V. Kudryavtseva^{1,2}

¹*North-Western Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation*

²*St. Petersburg City Court, St. Petersburg, Russian Federation*

The most common difficulties in using evidence in judicial practice are the following questions: is it always necessary to exclude the protocol of confession as evidence when violating the requirements of Part 1.1 of Article 144 of the Code of Criminal Procedure in accordance with the requirements of Part 1.2 of the Code of Criminal Procedure; is the protocol of confrontation a kind of this type of evidence as testimony or is it a protocol of investigative actions; how to act in cases of petitions by the defense party for the presentation of a expert opinion in the courts of the first and appellate instances, how to attach (not attach) them to the case materials, interrogate or not interrogate an expert; whether operational search information can be used when deciding on the election or extension of a preventive measure. Based on the study of judicial practice, conclusions are drawn that the protocol of surrender obtained in the absence of guarantees provided for in Part 1.1 of Article 144 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation should be excluded only when the information obtained during the surrender is disputed by the defense. Obtaining consent to the disclosure of the protocol of the confrontation depends on the judicial and investigative situation, and if consent is obtained to the disclosure of the testimony of these persons obtained during the interrogation, then the protocol of the confrontation is subject to disclosure. The expert's opinion submitted by the defense party must be accepted and evaluated by the court, including through the interrogation of the expert who gave the conclusion. When choosing a preventive measure, information obtained by operational search is important, since in the absence of time, evidence has not yet been formed.

Keywords: *evidence, report of confession, protocol of confrontation, expert opinion, operational search information.*

Alexander Vasilyevich Petrov – Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of Criminal Procedure Law, North-Western Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: petrov_av2012@mail.ru.

Anna Vasilyevna Kudryavtseva – Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of Criminal Procedure Law, North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Judge, St. Petersburg City Court, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: acifna@mail.ru.

Received 30 May 2022.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Петров, А. В. Проблемные вопросы использования отдельных доказательств при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции / А. В. Петров, А. В. Кудрявцева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2022. – Т. 22, № 3. – С. 32–39. DOI: 10.14529/law220305.

FOR CITATION

Petrov A. V., Kudryavtseva A. V. Problematic issues of the use of individual evidence in criminal cases in the court of first instance. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2022, vol. 22, no. 3, pp. 32–39. (in Russ.) DOI: 10.14529/law220305.
